

СУФФИКСОИД -ПОЗ В СОСТАВЕ ПЕЙОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ КОМИ ЯЗЫКА

Цыпанов Евгений Александрович,

*доктор филологических наук, доцент, заместитель директора
ФГБУН «Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения РАН» (г. Сыктывкар, РФ), tsypanov@mail.illhkomisc.ru*

В финно-угроведении, точнее в пермистике, недостаточно полно изучена история развития и изменения семантики слов, связь лексики и грамматической системы в диахронном аспекте. Интерес представляют такие исконные слова в коми и удмуртском языках, которые, имея одно происхождение и древнее значение, в современных языках развили совершенно новые лексико-семантические варианты или же вообще пошли по пути грамматикализации. В основе статьи лежит материал лексем к. *поз*, удм. *пуз* с одним древним значением 'гнездо'.

Материалом послужили употребление лексем к. *поз*, удм. *пуз* в различных источниках и словарях пермских языков, словоупотребления с **-поз** как суффиксоидом в корпусе коми языка и литературных произведениях. При написании работы применялись традиционные методы исследования.

Исследование изменчивости семантики лексем к. *поз*, удм. *пуз* показало, что наиболее развернутое развитие и расширение семантики этимологически единого слова наблюдается в коми-зырянских диалектах и литературном языке, где, кроме нескольких выделенных лексико-семантических вариантов, полностью грамматикализовался в суффиксоид. Производные с **-поз** образуют группу эмотивных слов, в основном это слова-пейоративы с отрицательно-оценочной семантикой. Зафиксированы 25 подобных лексем в коми-зырянских диалектах и литературном языке. В удмуртском языке произошли изменения обратного характера: в ходе самостоятельного развития языковой системы первоначальное значение слова 'гнездо' стерлось (в отличие от практически всех уральских языков), семантика слова *пуз* изменилась в сторону конкретизации, детализации, стала использоваться для обозначения яйца, от него образовался глагол *пузаны* со значением 'класть (откладывать) яйца, нестись (о птицах); откладывать яички (о насекомых)'.

Развитие морфологического строя коми языка осуществляется за счет внутренних ресурсов, о чем свидетельствует процесс грамматикализации лексемы *поз*.

Ключевые слова: коми язык; лексикология; эмотивная лексика; слова-пейоративы; грамматикализация слова; суффиксоиды.

Для цитирования: Цыпанов Е. А. Суффиксоид *-поз* в составе пейоративной лексики коми языка // Финно-угорский мир. 2018. Т. 10, № 1. С. 52–61.

Благодарность: Статья подготовлена при финансовой поддержке программы Уральского отделения РАН «Социально-экономические и гуманитарные проблемы развития общества» по проекту «Духовная культура и традиционные представления народов Европейского севера России (по данным языка, фольклора и литературы)» (№ 18-6-6-25).

Введение

В историческом развитии лексики любого языка неопределимую роль играет явление полисемии, когда лексема, расширяя семантику, увеличивает свою номинативную и функциональную нагрузку, обозначая новые, дополнительные реалии, предметы или явления окружающего носителей языка мира. Развитие значений некоторых слов может приводить к их постепенной грамматикализации путем десемантизации и дальнейшего абстрагирования значений, особенно в языках агглютинативного типа. Все сказанное имеет прямое отношение к материалу лексем *поз* в коми языке и *пуз* в удмуртском, ставших темой настоящей статьи.

Обзор литературы

Суффиксоид **-поз** в работах по словообразованию не выделялся. Лексемы к. *поз*, удм. *пуз* описывались лишь в словарных статьях в словарях пермских языков.

Материалы и методы

Материалом статьи служат употребление лексем к. *поз*, удм. *пуз* в различных источниках и их толкования в современных словарях литературных языков и диалектов, словоупотребления с **-поз** как суффиксоидом в национальном корпусе коми языка и литературных произведениях ряда авторов. В ходе работы применялись традиционные методы, принятые в лингвистических исследованиях.

Результаты исследования и их обсуждение

Полисеманты, или многозначные слова, составляют большинство лексики активного словарного состава языка. Как указывает Д. Н. Шмелев, «совокупность значений многозначного слова всегда характеризуется определенной организацией, что подтверждается, в частности, перераспределением значений слова (изменением его семантической структуры)»¹. Переносные значения, или лексико-семантические варианты (ЛСВ), всегда являются мотивированными, связанными с прямым значением и реализуются, как правило, в определенных контекстах. Роль языковой метафоры в мыслительной деятельности человека П. Лафарт определяет так: «Метафора – есть один из главных путей, по которым абстракция проникает в голову человека»². Слово как развивающаяся языковая единица во временном процессе легко может как приобретать новые значения, так и утрачивать старые. «Будучи сложным процессом, полисемия слова способствует формированию не только основных структурно-семантических элементов слова (ЛСВ), но и позволяет каждому из этих элементов развивать свою структуру, что, естественным образом, происходит вследствие неразделимости существования языка и речи» [2, 171–172]. Общепринято также положение о том, что слова в переносных значениях, сохраняя свою мотивированность, активнее выражают мысль и более эмоционально воздействуют на слушающего или читателя. В отличие от многих полисемантов, что особенно касается глаголов, у слова *поз* в коми языке сохраняется устойчивая мотивационная связь с опорным значением ‘гнездо’.

К сожалению, тема полисемии как в синхронном, так и в диахронном плане в коми языкознании подробно еще не изучена, хотя представляет большой инте-

рес не только для описательной лексикологии, но и для специалистов в области когнитологии, для языковедов, изучающих национальную картину мира коми народов. В теоретическом отношении важно осознавать значимость семантической изменчивости в истории языка и в контекстуальном их расширении конкретными пользователями языка. Дж. Лайонз подчеркивает: «Для лексем нельзя указать конкретное число значений. Дискретность в языке – это свойство формы, а не значения. Во всех естественных языках значения лексем плавно переходят одно в другое, между ними нет четких границ»³. Тем не менее в исследовательских целях фиксация различных ЛСВ в нормативных и диалектных словарях является исходной основой для изучения полисемии в историко-лингвистическом аспекте.

Рассматриваемый материал лексем *к. поз*, удм. *пуз* являлся, несомненно, уже ресурсом протопермского языка, о чем говорят его рефлексы в современных языках. В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев представляют этимологию слова как допермское образование: **поз** ‘гнездо’; *поз* вс. ‘гнездо’⁴; кя. *поз*⁵; удм. *пуз* ‘яйцо’, пузкар ‘гнездо’. – общеперм. **poz* ‘гнездо’ = доперм. **pesä*⁶. Исходя из приведенных в словарной статье примеров из мордовских, марийского, финского, венгерского и угорских языков слово имеет финно-угорское происхождение. Примеры: мар. *pəžäš* ‘гнездо’, мордов. *p’izä*, фин. *pesä*, саам. *bässe*, венг. *fészek*, *feze*, манс. *pət*⁷. К. Редери однозначно характеризует данную этимологию как прауральскую и приводит примеры также из самодийских языков: **pesä* ‘Nest’ U... sam. jur. *pid’e*, selk. *pitz*, kam. *phidä*, mot. *идыде*⁸. Прауральское по происхожде-

³ Лайонз Дж. Язык и лингвистика: вводный курс. Москва, 2004. С. 138.

⁴ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. С. 290.

⁵ Лыткин В. И. Коми-язвинский диалект. М., 1961. С. 165.

⁶ Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. С. 223 (далее – КЭСК).

⁷ Там же.

⁸ Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch.

¹ Шмелев Д. Н. Полисемия // Лингвистический этимологический словарь. Москва, 1990. С. 382.

² Цит. по: Кодухов В. И. Общее языкознание. Москва, 2013. С. 162.

нию слово изначально употреблялось в значении ‘гнездо птиц’, о чем свидетельствует сохраняющаяся семантика слов в современных языках. Значение слова говорит о важности охоты на дичь в прауральское время, что также демонстрирует сохранение единого этнокультурного феномена у современных уральцев.

Пермские языки представляют совершенно разную картину дальнейшего развития семантики слова, причем наиболее разнообразный материал отражают коми-зырянские диалекты и литературный язык.

• В удмуртском языке в течение самостоятельного развития языковой системы первоначальное значение слова ‘гнездо’ стерлось (в отличие от практически всех уральских языков), семантика слова изменилась в сторону конкретизации, детализации, стала специализироваться на обозначении яйца: **пуз** 1) ‘яйцо’ || ‘яичный’; 2) анат. ‘яичко’⁹. Изменение вполне закономерно, учитывая то, что яйца являются принадлежностью гнезда, ср. толкование слова *гнездо* в толковом словаре русского языка: «У птиц, насекомых и пресмыкающихся: место житья и кладки **яиц**, выведения детенышей»¹⁰. Однако причины такого семантического сдвига не совсем ясны. Вероятно, произошло вытеснение исходного значения слова из-за расширения в языке употребления другого прапермского слова *кар*, у которого развилось новое значение ‘гнездо’: ‘гнездо’ *кар*, ‘воронье гнездо’ *куака* ~, ‘осиное гнездо’ *дуринчи* ~¹¹. Слово *кар* в удмуртских диалектах имеет более широкую семантику, удм. *кар* ‘гнездо, городище, конура’, что исходит из значения слова в протопермском языке ‘городище, укрепленное место’, ‘место жилья коллектива (муравьиная куча, пти-

чье гнездо и т. п.)’¹². Б. Мункачи считает пермское *кар* кавказским заимствованием¹³. На основе двух рассмотренных основ в удмуртском образовалось новое сложное слово со значением ‘гнездо’: *пузкар* 1) ‘гнездо, гнездышко’; 2) перен. ‘логово (врага)’¹⁴. Основа *пуз* стала мотивирующей основой глагола *пузаны* ‘класть (откладывать) яйца, нестись (о птицах); откладывать яички (о насекомых)’; *курегъёс умой пузало* ‘куры хорошо несутся’¹⁵. В настоящее время в удмуртском литературном языке *кар* употребляется в двух значениях: 1) ‘гнездо, нора, логово, конура’: *пуны кар* ‘собачья конура’, *тылобурдо кар* ‘птичье гнездо’; 2) ‘город, городище’ || ‘городской’: *Кар Дума* ‘Городская дума’¹⁶. Несомненно, второй ЛСВ диахронно является основным, первичным, ср. в коми языке повсеместно *кар* ‘город’.

• Коми-пермяцкий языковой материал свидетельствует о расширении базового значения ‘гнездо’. Нормативный словарь литературного языка выделяет у слова три ЛСВ: *поз* (*позй-*) 1) ‘гнездо’ *кай* ~ ‘птичье гнездо’; *зи* ~ ‘осиное гнездо’; 2) ‘гнездо (картофеля, лука)’; 3) перен. ‘гнездо, дом, семья’ *тэчны аслыт* ~ ‘свить себе гнездо (о человеке)’¹⁷. Интересно, что в коми-пермяцких диалектах не произошла грамматикализация лексемы *поз*, что также можно считать дополнительным лингвистическим индикатором при различении собственно коми-зырянских диалектов от коми-пермяцких.

• Коми-зырянский материал представляет наибольший спектр значений слова в пермских языках, плюс к этому детерминанта *поз* в сложных словах подверглась дальнейшей грамматикализации путем десемантизации и абстрагирования *поз*. Нормативный словарь выделяет следующие ЛСВ слова: *поз(-й)* 1) ‘гнездо

Budapest, 1986. Bd. 1. S. 375.

⁹ Удмуртско-русский словарь / сост.: Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов. Ижевск, 2008. С. 554 (далее – УРС).

¹⁰ Ожегов С. И. Словарь русского языка. Москва, 1987. С. 110.

¹¹ Русско-удмуртский словарь. Москва, 1956. С. 181.

¹² КЭСК. С. 117.

¹³ Там же.

¹⁴ УРС. С. 554.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С. Коми-пермяцко-русский словарь. Москва, 1985. С. 353.

лэбач ~ ‘птичье гнездо’; 2) ‘гнездо, куст (картофеля, лука и т. д.): лук ~ ‘гнездо лука’; ельдöг ~ ‘гнездо груздей’; 3) перен. ‘гнездо, родной дом’: чужан ~ ‘родной дом’; 4) ‘клетка для птиц (для птиц и животных)’; чипан ~ ‘курятник’; 5) перен. ‘притон’: гусясьысьяслöн ~ ‘воровской притон’; 6) ‘коробочка’: хлопок ~ ‘коробочка хлопка’¹⁸. Следует сюда добавить, что в речи носителей среднесыольского диалекта употребительно также словосочетание *мази поз* в значении ‘улей, пасака’. Конкретные пути развития значений будут обсуждены далее.

Для сравнения в финском языке выделяется еще более развернутый состав значений соответствующего для к. *поз*, удм. *пуз* слова *pesä*: 1) ‘гнездо’: *peltopuun* ~ ‘гнездо куропатки’; *ketun* ~ ‘лисья нора’; 2) ‘имущество семьи; наследство’: *jakamaton* ~ ‘неразделенное имущество’; 3) ‘гнездо, очаг, логово’ *vihollisen* ~ ‘логово врага’; 4) ‘дыра, нора (о квартире, доме)’; 5) техн. ‘гнездо’: *kuulalaakerin* ~ ‘гнездо обоймы подшипника’; 6) ‘топка’: *uunin* ~ ‘печная топка’; 7) ‘база, город (в играх)’: ~ *alue* ‘очаг, рассадник (какой-либо культуры)’¹⁹.

В отличие от некоторых новомодных семантических теорий о диффузности отдельных значений и отрицания существования основного значения, автор здесь придерживается традиционного подхода – различаются главное и производные значения, контекстуально обусловленные, возникшие или посредством сигнификативного или метафорического переноса, или метонимического переноса, или синекдохи²⁰. Например, перенос значения в слове *пуз* в удмуртском языке ‘гнездо’ → ‘яйцо’ основано на ментальном отношении «целое» → «составная часть». Метафорический перенос в свою очередь строится на разных семантических основаниях, поэтому линии развития производных ЛСВ

могут осуществляться в различных направлениях. В случае развития коми слова *поз* можно выделить три семантических основания.

1. Ментальное осознание **наличия однотипных, одинаковых по форме компонентов внутри гнезда**, а именно яиц округлой формы. Производный ЛСВ включает обозначение гнезда картофеля, лука, грибов (*ельдöг поз*, *лук поз*), коробочки хлопка (*хлопок поз*) и др. Следующий метафорический перенос приводит к обозначению локации, места сосредоточения однотипных, одинаковых по форме компонентов, обозначению места содержания птиц, животных и насекомых, курятника, улья (*чипан поз*, *мази поз*, *зи поз*). В некоторых случаях семантика расширяется до обозначения локализации животных и неодушевленных предметов, например в печорском и среднесыольском диалектах: *пон поз* ‘собачья будка’, *порсь поз* ‘свинарник’, *пес поз* ‘дровяник’²¹. Отсюда вполне понятно появление переносного употребления слова с дополнительным отрицательнооценочным коннотативным оттенком ‘притон, рассадник зла, воровская хата’ (*гусясьысьяслöн поз*).

2. **Функциональное предназначение гнезда** быть домом для птенцов. Здесь осуществлен перенос ‘гнездо’ → ‘дом, родное жилище, домашний очаг, прибежище’ (*лöсьöдны аслыныс поз* ‘устроить для самих себя гнездо, обзавестись собственным домом, семьей’). Слово в переносном значении ‘дом, пристанище’ чаще всего имеет положительное оценочное значение и при письме часто выделяется кавычками, например: *Пётр Федотович торйöн нин радейтис вольвлыны гижысьяслöн лöмьюса (позйö)*. *Тани сийö кылис асьсö гортас моз*²² «Петр Федотович особенно любил приезжать в местечко Лемью в пристанище (гнездо) писателей. Здесь он чувствовал себя как дома». Однако в языке есть и сло-

¹⁸ Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукöр. Сыктывкар, 2000. С. 510 (далее – КРК).

¹⁹ Вахрос И., Щербаков А. Финско-русский словарь. Москва, 1977. С. 457.

²⁰ Левицкий Ю. А. Общее языкознание: учеб. пособие. Москва, 2008. С. 149 – 150.

²¹ Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. Коми сёрнисикас кывчукöр. Словарь диалектов коми языка: в 2 т. Сыктывкар, 2014. Т. 2. С. 141 (далее – КСК).

²² Ульянов А. Пер рöд – бур рöд! // Войвыв кодзув. 2011. № 1. С. 65.

воупотребления с негативным значением слова, например: – *Тшынйив лэпта пеж познытö!* – *мураліс сійö (Иван купеч овмöс йылысь)*²³ «Пущу горячего пуха в твой дом (подожгу)! – рокотал он (Иван о доме купца)».

3. Ментальное осознание **множества родственных одушевленных компонентов** в гнезде, детенышей, птенцов. Здесь осуществлен перенос ‘гнездо’ → ‘выводок птенцов, детенышей’. В устной диалектной речи слово *поз* часто употребляется в значении ‘выводок птенцов’, например в лузско-летском диалекте: *утка поз* ‘утка с выводком’; *чипаныс познас, сölсемнас мунö чипушкаяснас* ‘курица со всем выводком идет’²⁴. Вероятно, слово в этом значении легло в основу образования композиты *позтыр* ‘выводок (букв.: ‘гнездо-выводок весь’ < *поз* ‘гнездо’ + *тыр* ‘весь, полный’). Данный ЛСВ послужил в коми-зырянских диалектах в качестве основы для постепенной грамматикализации слова *поз*: ‘выводок птиц’ → ‘родня, род, отродье’ → ‘совокупность людей с определенными свойствами’ → ‘отдельный человек с положительными или чаще с отрицательными характеристиками’. Таким образом, в ходе истории языка образовался ряд слов, входящий в состав эмотивной лексики, например *вильышпоз* ‘шалун, озорник, баловник’, где прилагательное *вильыш* ‘шаловливый’ выступает производящей основой. В научной литературе элемент *поз* как суффиксоид еще не выделялся, как и несколько других вторичных деривационных аффиксоидов.

В качестве критерия десемантизации служит факт отсутствия мотивационной связи суффиксоида с основным лексическим значением слова-омонима *поз* ‘гнездо’, обозначение словом с **-поз** одного конкретного лица, а в случае обращения ко многим лицам слово принимает суффикс множественного числа **-яс**, например: *Тайö кадö керка пельöссянь кыліс Пеклалöн гөлöсыс: – Тэ тай, Миша, век сэні тронсвидзан?.. Ветлы лэбулö. Песьясыс гырысьöсь Поткөдлы.*

²³ Рочев Я. Кык друг. Сыктывкар, 1983. С. 163.

²⁴ КСК. Т. 2. С. 141.

*Он öд, небось прамöясö вöчöй первойсяньыс, дыш позьяс*²⁵ «В этот момент со стороны угла дома послышался голос Пеклы: – Ты, оказывается, Миша, всегда там торчишь?.. Сходи в сарай. Поленья крупные. Наколи. Не сделаете ведь сразу хорошо, ленивцы». Как видно из примера, некоторые авторы пишут компоненты слова раздельно. Кроме собственно семантического в языке проявились и формальные различия пейоративных слов. Обычно при склонении *поз* по падежам и присоединении к ним посессивных суффиксов, начинающихся с гласного, в конце основы появляется так называемый вставочный звук **-j-**, исторически являющийся рефлексом выпавшего конечного гласного основы, например: *поз* ‘гнездо’, но *позйын* ‘в гнезде’, *позйыс* ‘его, ее гнездо’. Однако часто при некоторых пейоративных словах при словоизменении этот вставочный звук не появляется, например: *ыкшапоз* ‘бахвал’, но *эсійö ыкшапозыс* ‘этот бахвал’.

Путь грамматикализации отдельных слов, как правило, проходит, четыре основных этапа: определяемое слово в словосочетании → второй элемент сложного слова → суффиксоид, полу-суффикс → суффикс. В отношении коми элемента *поз* вполне возможна трактовка в качестве суффиксоида, имеющего ограниченное употребление лишь в составе эмотивной лексики, так как окончательная десемантизация как пороговый индикатор выделения суффикса в производных словах еще не достигнута. Об этом свидетельствуют случаи, пусть и немногочисленные, раздельного написания **-поз**, как в приведенном выше примере.

Аналогичные случаи диахронного развития полнозначных слов в деривационные форманты есть и во многих финно-угорских языках. В качестве примера достаточно привести явление грамматикализации элемента финно-угорского происхождения **-буе** в эрзянском языке в составе топонимов, названий сел и деревень: *Кеченьбие* (офици-

²⁵ Юхнин В. Алöй лента. Сыктывкар, 1981. С. 35.

альное Кечушево), *Таразбуе, Оржаньбуе*. Процесс развития значения, по Ш. Матичаку, был следующим: 'сын' < 'внук' < 'колено, род, племя' < 'группа объединенных лиц' < 'элемент названия поселения' [1, 73]. Интересно, что вторичная суффиксация этимологически соответствующего к эрз. *буе* коми слова *ни* 'сын' также имело место в истории языка: с его помощью продуктивно образуются слова, обозначающие детенышей животных, птенцов, мальков рыб, в диалектах и молодые деревца, например: *ручпи* 'лисенок', *чипанпи* 'цыпленок', *китпи* 'китенок', *сирпи* 'малек щуки', *козпи* 'елочка', *ноппи* 'маленький рюкзак'.

Характерная черта употребления суффиксоида **-поз** в том, что производные с этим деривационным элементом функционируют лишь в составе эмотивной лексики, которая выражает логико-семантическую категорию эмотивности, которая «в лексическом отношении выражается междометиями, бранными словами, вульгаризмами, эмоционально-оценочными наречиями и прилагательными, адресативами, т. е. лексикой, тип которой мы определяем термином «аффективы», в рус. яз. *касатик, золотце, дерьмо...*» [6, 51]. Производные с суффиксоидом **-поз** образуют аффективы последнего вида, причем в подавляющем большинстве слова с отрицательно-оценочной коннотацией.

В составе эмотивной лексики (мелиоративов и пейоративов) можно выделить две большие группы образований: это лексемы с изначально оценочной семантикой и лексемы с диахронно переносными значениями, отличными от прямого или буквального значения по денотативному ряду. К числу первых относятся лексемы, обычно означающие лиц с определенными негативными характеристиками, где сама основа уже выражает оценку: это прилагательные, причастия, отглагольные существительные с суффиксом **-ысь**, производные существительные и словосочетания, например: *ййй*, *ббб* 'дурак', *вежбма* 'оборотень', *гуысь* 'вор', *гиги* 'пустосмешка',

пежпоз 'отвратительный человек', *сюра лешак* '(букв.: рогатый леший)'. Сюда же относятся многочисленные заимствованные из русского языка или через русский пейоративы, сохраняющие оценочное значение, существовавшее в передающем языке, например у слова *мерзавеч* 'мерзавец'. Тема эмотивной лексики в коми и финно-угорском языкознании отдельно и подробно еще не исследована, хотя сам материал зафиксирован в нормативных и диалектных словарях, сборниках фразеологизмов, фольклорных текстах и в богатейшей художественной литературе. Нет ничего удивительного, что суффиксоид **-поз** распространен лишь в подсистеме эмотивной лексики, это логично вытекает из результатов развития семантики слова с исходным значением 'гнездо'. Далее дан список аффективов, образованных с помощью **-поз**. Несколько таких слов в словарях коми языка еще не было зафиксировано.

муспоз 'милый, любимый, любимая', от *мус(а)* 'милый, любимый'. Пример: *Со ёд кутишом менам, муспозыйд* (И. Коданев)²⁶ «Вот ведь какая у меня, милая».

вильышпоз 'озорник, балун, шалунья, баловень'²⁷. Пример: *«Но и вильышпоз тайё Лолаыс! Сыкбод он гажтёмтчы!»*²⁸ «Ну и шалунья эта Лола! С ней не соскучишься!».

горшпоз 'жадина', от *горш* 'жадный, алчный, прожорливый'. Пример: *Ме асывбыд гижи, юр пытишкын гияляис, сьёллом вылын вёли шудлун манера. Ме эськё нимкодъпырысь ёни варовитышити улиткаыдкбод... Бёрас казяли, мый сядйысь уна мича кор вёли сёйёма кутишомкё горшпоз*²⁹ (перевод А. Попова) «Я все утро писал, в мозгу было щекотно, на сердце была счастливая манера. Я бы с радостью поговорил с улиткой... Потом заметил, что в саду много

²⁶ Корпус коми языка. URL: www.komicorpora.ru (далее – ККЯ).

²⁷ КРК. С. 103.

²⁸ Куратова Н. Менам дона сикбтш-ожерельбой. Сыктывкар, 2009. С. 347.

²⁹ Валтон А. Торпырыгыяс // Войвыв кодзув. 2015. № 12. С. 23.

красивых листьев съела какой-то жадина».

гынпоз ‘неряха’, зафиксировано в удорском диалекте³⁰, от *гын* ‘войлочный, валяный’.

дзирняпоз ‘непоседа, юла, вертун’, от *дзирня* ‘непоседа, юла, вертун’.

дзырьдпоз ‘егоза, вертун, вертунья’³¹. Пример: *Дзырьдпоз! Мый ветлангыан! Со тэд менам водз – Латшыксыам медьюгыдынас...*³² «Егоза! Что ходишь-колобродишь? Вот тебе мои колени – Сядем в самое светлое место».

дуланпоз ‘упрямец’, *ставён кывзисисны, сёмын тайё дуланпозыйыс колльчис* ‘все послушались, только этот упрямец остался’³³, от *дулан* ‘упрямый’.

дульпоз ‘злюка’, зафиксировано в удорском диалекте³⁴, от *дуля* ‘слюнявый’.

дуркпоз ‘грязнуля’³⁵, от *дурк* ‘неряшливый, неаккуратный’. Пример: *Өні кодкё шуас оз Миян Ваня пё дуркпоз* (Ю. Попова)³⁶ «Теперь кто-либо скажет ли, что наш Ваня грязнуля».

дышпоз ‘ленивец, лентяй, лентяйка’³⁷, от *дыш* ‘ленивый’. Пример: *Кыдзи благородной мортлы вистала веськыда, менам дышпозлы репетиторёс оз медав* (А. Кононов)³⁸ «Как благородному человеку скажу прямо, моему лентяю репетитора не найму».

зырымпоз ‘сопливец, соплица’³⁹, от *зырым* ‘сопли, сопливый’.

квастпоз ‘хвастун’⁴⁰, от *кваст* ‘хвастливый’. Пример: *Өльöш. Кваст поз! Дарья. Дугдöй, сюраяс!.. Лыястö чегъяла*⁴¹ «Олеш. Хвастун! Дарья. Перестаньте, черти!.. Кости переломаю».

³⁰ Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. Коми сёрнисикас кывчукöр. Словарь диалектов коми языка: в 2 т. Сыктывкар, 2012. Т. 1. С. 395.

³¹ КРК. С. 180.

³² Курагов И. Менам муза. Сыктывкар, 1979. С. 43.

³³ КРК. С. 203.

³⁴ КСК. Т. 1. С. 483.

³⁵ КРК. С. 205.

³⁶ ККЯ.

³⁷ КРК. С. 207.

³⁸ ККЯ.

³⁹ КСК. Т. 1. С. 573.

⁴⁰ КРК. С. 265.

⁴¹ Белых Н. Кодлön кутшöм шуд. Сыктывкар, 1981. С. 73.

лешакпоз ‘черт, леший’, соответствует русскому выражению «чертово отродье», от *лешак* ‘леший, черт’. Пример: – *Ланьтышт, лешакпоз! – пинь пырыс сöдзöдiс Митипер да ещö чорыд-джыка ёрчыштыс: – Кураннас швачни-та – садъялан!*⁴² «Помолчи, чертово отродье! – сквозь зубы процедил Митипер и еще более грубо выругался: – Огрею граблями – очухаешься!».

лёкпоз ‘злюка’, *лöгыс петiс гöтыр вылас, ~ вылö* он злился на жену-злюку⁴³, от *лёк* ‘злой’. Пример: – *Ок, лёк поз, абу вунöдöма!.. – шуис да шудаа серöктiс. – Юра, вистав веськыда, бара ме вöсна ставыс лои?*⁴⁴ «– Ох, злюка, не забыл ведь! – сказала она и засмеялась. – Юра, скажи прямо, опять из-за меня все случилось?».

мудерпоз ‘хитрец’⁴⁵, от *мудер* ‘хитрый’. Пример: – *Оз пыр сiйö капканад, мудерпоз, – öлöдiс Максим* (А. Некрасов)⁴⁶ «Не попадается (букв.: не заходит) он в капкан, хитрец, – предупредил Максим».

нартпоз диал. ‘упрямец’⁴⁷, от *нарт* ‘своенравный, непослушный, упрямый’.

няйтпоз ‘грязнуля’⁴⁸, от *няйт* ‘грязный’. Пример: *Мыссьöдны колö няйтпозсö* (В. Климов)⁴⁹ «Умыть надо грязнулю».

скöрпоз ‘злюка’⁵⁰, от *скöр* ‘сердитый’. Пример: – *Тэ көть сiйöс, скöрпозйöс, велöдiн, медым мянöс гöститöдас* (В. Кочетов)⁵¹ «– Ты хоть бы его, злюку, научил, чтобы нас когда-нибудь угостил».

скуппоз ‘скупердяй, жадина’⁵², зафиксировано в речи носителей средне-сысольского диалекта, от *скуп* ‘скупой’. Пример: *Скуппозйöн карса гöсьттö мед*

⁴² Безносиков В. Чужан сиктын олам-вылам. Сыктывкар, 1995. С. 62.

⁴³ КРК. С. 35.

⁴⁴ Торопов И. Оштö эн лый кыкыс: повестьяс. Сыктывкар, 1995. С. 125.

⁴⁵ КРК. С. 404.

⁴⁶ ККЯ.

⁴⁷ КРК. С. 422.

⁴⁸ КРК. С. 448.

⁴⁹ ККЯ.

⁵⁰ КРК. С. 597.

⁵¹ ККЯ.

⁵² КСК. Т. 2. С. 393.

оз жö шуны (В. Напалков)⁵³ «Чтобы не назвали (же) городского гостя скупердяем».

тойпоз ‘вшивец’⁵⁴, зафиксировано в нижневыхегодском диалекте, от *той* ‘вошь, вшивый’.

трасичапоз ‘неладный, неладная, хулиган(ка)’, от *трасича* ‘сорванец’⁵⁵. Очевидно, что адаптированное русское заимствование от рус. *трясучка* в коми языке получило значение ‘неладный, нескладный, хулиганистый, ненормальный’, которое чаще адресуют женщинам. Пример: ...*дöжнöдлiс асьсö Ольöксан. «Босьт да висьтав выжывлы, кыдз да мый. Ачыд нö, табак көшель, ас кадö көнi вöлин? Ветлöдлин, синтö бокö вештöмөн, тьпру ни ну, трасича поз»*...⁵⁶ «...осуждал себя Олексан. “Вот и возьми да скажи выжившему из ума, как и что. Сам-то, табака кошель, в свое время где был? Ходил, отводя глаза в сторону, [ни] туда ни сюда, неладный”...».

тшаппоз 1) ‘гордец, гордячка’; 2) ‘недотрога’⁵⁷, от *тшан* ‘нарядный, гордый’. Пример: *Менö тшаппозöс пуксьöдiсны, тшöктiсны вöтчыны йöз бöрся* (Ю. Яковлев)⁵⁸ «Меня, гордеца, посадили, велели ехать-гнаться за людьми».

урöдпоз ‘грязнуля’⁵⁹, от *урöд* ‘уродливый, неряшливый’.

шевапоз (букв.: ‘отроде колдовской порчи’, т. е. человек, наводящий порчу), от *шева* ‘отвратительное насекомое, вскормленное колдуном, наводящее порчу, икоту’. Пример: – *На тэныд, дона тöварка, – чилзiс вöсньыд гöлöснас Лия, – на тэныд, мусук дорысь кöдзöдысьöй! Эз кут матö сибöдлыны, думайта: мало ли чего, гашкö, гöтырыс сакис, гашкö, нёрпалö, а, вöлöмкö, ми костö суйсьöмыд тэ, шевапозйöй!*⁶⁰ «– На тебе, дорогая товарка, – визжала

тонким голосом Лия, – на тебе, разлучница от милого! Не стал меня признавать, думаю: мало ли чего, может, его жена наругала, может быть, болеет, а оказывается, между нами влезла ты, наводящая порчу!..». Как и в случае со словом *трасича*, *шевапоз* адресуют женщинам.

ыкшапоз: 1) ‘бахвал’; 2) ‘гордец, гордячка’⁶¹. Пример: *Мöдысь тайö ыкшапозыс, код дорö матын Князевлөн сьöлöмыс – сiдз сiйö и ачыс вуджö сы вомöн...* (Б. Шахов)⁶² «В другой раз эта гордячка, к которой равнодушен Князев, – так она и так его игнорирует...».

Заключение

Обычно в трудах по словообразованию существительных описываются такие аффиксоиды или новые форманты, как **-луи, -туй, -тор, -пу, -улов, -ин, -пом (-пон), -кодь** [4, 85–99]. Между тем коми языковой материал настоятельно требует расширения состава вторичных деривационных формантов, некоторые из которых активизировались буквально в последние десятилетия. Так, существительное *куд* с базовым значением ‘лукошко, коробка’ с конца 1980-х гг. трансформировалось в суффиксоид, с помощью которого образовался ряд неологизмов: *кывкуд* «словарь», *шыкуд* «фонетика, звуковой состав», *кывбуркуд* «сборник стихов», *лыддянкуд* «хрестоматия», *оланпаскуд* «свод законов, законодательство» и др. Подобные факты свидетельствуют об активизации словообразовательных процессов в современном коми языке, однако данная линия в развитии деривационной структуры и грамматики коми языка продолжается (в течение столетий) в период самостоятельного развития языка. Исследователи пермских языков на это уже обращали внимание. Для иллюстрации приведем слова известного удмуртского лингвиста И. И. Тараканова: «Сравнительный анализ грамматического строя удмуртского языка с близкородственным коми языком свидетельствует о том, что основное направление развития морфологического строя шло по

⁵³ ККЯ.

⁵⁴ КСК. Т. 2. С. 393.

⁵⁵ КРК. С. 656.

⁵⁶ Чугаев Н. Пас // Войвыв кодзув. 2014. № 11. С. 8.

⁵⁷ КРК. С. 667.

⁵⁸ ККЯ.

⁵⁹ КРК. С. 688.

⁶⁰ Лыньоров А. Атгö тiянылы. Сыктывкар, 1991. С. 100.

⁶¹ КРК. С. 759.

⁶² ККЯ.

линии функционального и семантического сближения удмуртских грамматических форм и лексико-грамматических единиц с соответствующими формами и единицами контактирующего с ним татарского языка. В отличие от удмуртского развитие морфологического строя коми языка пошло по линии развертывания своих внутренних ресурсов» [3, 182]. Процесс грамматикализации лексемы *noz* в коми языке вносит дополнительные доводы в пользу упомянутого мнения ученого. Такие же выводы были сделаны нами в процессе исследования семантической структуры пермских лексем удм. *гурт*, к. *горт* [5, 266–272].

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>анат.</i> –	анатомический термин
<i>венг.</i> –	венгерский язык
<i>вс.</i> –	верхнесысольский диалект коми языка
<i>доперм.</i> –	допермский язык
<i>к.</i> –	коми язык
<i>кя.</i> –	коми-язьвинский диалект
<i>манс.</i> –	мансийский язык
<i>мар.</i> –	марийский язык
<i>мордов.</i> –	мордовский язык
<i>общеперм.</i> –	общепермский язык
<i>перен.</i> –	переносное значение
<i>рус.</i> –	русский язык
<i>саам.</i> –	саамский язык
<i>техн.</i> –	технический термин
<i>удм.</i> –	удмуртский язык
<i>фин.</i> –	финский язык
<i>эрз.</i> –	эрзянский язык

Поступила 26.12.2017, опубликована 07.06.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Матичак Ш. Элемент *-буе* в эрзянском языке: суффикс, полусуффикс или второй элемент сложного слова // Финно-угорские языки народов России в условиях взаимодействия с языками разных систем. Саранск, 2016. С. 67–75.
2. Мухортов Д. С. Значение слова в тисках речи. Москва: URSS, 2014. 200 с.
3. Тараканов И. В. Основное направление развития морфологической системы пермских языков // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Москва: Наука, 1990. Т. 2. С. 180–182.
4. Федюнева Г. В. Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке. Москва: Наука, 1995. 135 с.
5. Цыпанов Е. Семантическая оппозиция *керка / корка – горт / гурт* в пермских языках // *Linguistica Uralica*. 2016. № 4. С. 266–272.
6. Шаховский В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. Москва: ЛИБРОКОМ, 2016. 128 с.

SUFFIXOID *-POZ* IN THE COMPOSITION OF PEERATIVE LEXIS OF THE KOMI LANGUAGE

Evgenii A. Tsypanov,

*Doctor of Philology, Associate Professor, Deputy Director,
Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(Syktyvkar, Russia) tsypanov@mail.illhkomisc.ru*

In Finno-Ugric Studies, or in Perm Studies to be precise, the history of development and changes in the semantics of words, the connection between vocabulary and the grammatical system in the diachronic aspect has not been fully presented yet. The focus of the research is on such primordial words in the Komi and Udmurt languages, which, having the same origin and ancient meaning, have developed completely new lexico-semantic variants in modern languages, or even developed along the way of grammaticalization. The article is based on the materials of lexemes *poz*, udm. *pooz* with the same old meaning 'nest'.

The material of the article considers lexemes *poz*, udm. *pooz* in various sources and dictionaries of Permian languages, word-for-word use as a suffixoid in the Komi language body and literary works. When writing traditional methods of research were used.

Investigation of the variability of the semantics of lexemes *poz*, udm. *pooz* showed that the most developed and expanded semantics of the etymologically unified word is observed in the Komi-Zyryan dialects and the literary language, where, in addition to a few selected lexical-semantic variants, it was gradually grammaticalized into a suffixoid. Derivatives with *-pos* form a group of emotive words, mostly pejorative words with negatively-valuable semantics. Twenty five similar tokens in Komi-Zyryan dialects and literary language were recorded. In the Udmurt language, the reverse changes occurred: during the independent development of the language system, the original meaning of the word "nest" was erased (in contrast to almost all Uralic languages), the semantics of the word *pooz* changed toward concretization, detailing an egg, building a verb *puzany* with the meaning of 'laying (laying) eggs, sweeping (about birds); lay eggs (about insects)'.

Development of the morphological structure of the Komi language is carried out at the expense of internal resources, as evidenced by the process of grammaticalization of the lexeme *poz*.

Key words: Komi language; lexicology; Emotional vocabulary; pejorative words; grammaticalization of the word; suffixoids.

For citation: Tsypanov EA. Suffixoid *-poz* in the composition of peerative lexis of the Komi language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018; 10: 1: 52–61. (In Russian)

Acknowledgment: The article was prepared with the financial support of the program of the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences "Social and Economic and Humanitarian Problems of Community Development", project "Spiritual Culture and Traditional Representations of Peoples of the European North of Russia (based on Language, Folklore and Literature)" (No. 18-6-6-25).

Submitted 26.12.2017, published 07.06.2018

REFERENCES

1. Matichak Sh. Element *-bue* in the Erzyan language: suffix, semi-suffix or second element of the compound word. *Finno-ugorskie iazyki narodov Rossii v usloviakh vzaimodeistviia s iazykami raznykh sistem* = Finno-Ugric languages of the peoples of Russia in interaction with languages of different systems. Saransk; 2016: 67–75. (In Russian)
2. Mukhortov DS. The meaning of the word in the grip of speech. Moskva; 2014. (In Russian)
3. Tarakanov IV. The main direction of development of the morphological system of Permian languages. *Materialy VI Mezhdunarodnogo kongressa finno-ugrovedov* = Proceedings of VI International Congress of Finno-Ugric Studies. Moskva; 1990; 2: 180–182. (In Russian)
4. Fediuneva GV. Derivational suffixes of nouns in the Komi language. Moskva; 1995. (In Russian)
5. Tsypanov E. Semantic opposition *kerka / korka – gort / gurt* in Permian languages. *Linguistica Uralica*; 2016; 4: 266–272. (In Russian)
6. Shakhovskii VI. Emotions: pre-linguistics, linguistics, linguoculturology. Moskva; 2016. (In Russian)